

Сергей Юров

**ПОД ФЛАГОМ
ФЛИНТА**

Сергей Юров

Под флагом Флинта

«Автор»

2026

Юров С. Д.

Под флагом Флинта / С. Д. Юров — «Автор», 2026

Герои романа бороздят на кораблях воды западной Африки и Мадагаскара, сражаются в Индийском океане и Карибском море. Им все по плечу, они не ведают страха, ведь в капитанах у них легендарный Флинт!

© Юров С. Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Юров

Под флагом Флинта

Глава 1

– Еще немного, и мы на свободе, Тим! – крепко сжал мне руку Дэвид. – Пора, дружище, выбираться из этой проклятой сарацинской дыры! Бен, поди, уж пронес через городские ворота последнюю заготовку. Нам остается только крепко держать кулаки, что б все сошло, как надо.

– До сих пор удача была на нашей стороне, – заметил я.

– Будем надеяться, что она нас не оставит... Ну, ступай, жди сигнала!

Кивнув англичанину, я прошел через дорогу в бочарную мастерскую, слегка перекусил, разжег трубку и улегся в углу крошечной пристройки на грубую постель. Жизнь в городе замирала, голоса сквозь шум прибоа звучали все глуше, с минарета летел привычный призыв муэдзина к вечерней молитве. За дверью раздавались голоса бондаря Гаяза и его жены. Над головой скрипнули половицы, слышались молитвы хозяина, Абдельхалека, происходившего из изгнанных морисков испанской Валенсии.

Закинув руки за голову, я подумал о предстоящем побеге. Пройдет ли все так, как мы загадали? Удастся ли тайком пробраться к берегу? Выдержит ли лодка? А вдруг нас заметят? А если лодка перевернется? Или станет пропускать воду?.. Фу-у-у!.. Лучше, чтоб наши планы сбылись. В случае провала всех троих будет ждать суровая расплата, о которой не хочется и думать. Здесь умеют колотить палками по подошвам, мало того – набьют в пятки пучки конского волоса, зашьют и попробуй потом, побегай!...

Мысли долго вертелись вокруг всего этого, затем успокоились и унеслись в прошлое, к безмятежным дням взросления на берегах Тихого Дона. Передо мной промелькнули картинки безбрежной степи, высокого синего неба, хутора у станицы Заказанской, родного куреня. Встали, как живые, образы родителей...

Казаки наши выбирали себе невест из близлежащих станиц, а отец, Григорий Авдеевич Соколов, привез жену издалека, и совсем не казачку. Он познакомился с матушкой во время поездки по заданию атамана в отдаленный Романов-в-Степи, что на реке Воронеж. Закупая с казаками в нем партию железа, он увидел пригожую девицу, уроженку близлежащего села, стал ухаживать за ней и через несколько дней отвел под венец в тамошний Архангельский собор.

В Заказанской у нас имелся кусок земли, водился скот, держалась всякая домашняя птица. Отец был мастером на все руки, истинно, по нашей казачьей поговорке: «Донец и швец, и жнец, и на дуде игрец, и в хоре певец, и в бою молодец»! Сломался замок – разберет и починит, разлетелся табурет – изготовит новый, пришла в негодность коса – отобьет и заточит, а уж как высоченный силач рубил головы врагам, о том на Дону ходили легенды.

Мог похвастать папаша и любимым делом: не сыскать было во всей округе лучшего мастера насчет баклаг, деревянных плоских бочонков для хранения воды, незаменимых как в поле, так и в пути. Помню, утомится от работ, еле двигается, а возьмет за очередную поделку, за гнутые дощечки-клепки, и нет усталости, пропала. И меня приучил к полезному ремеслу. Покупщики к нам тянулись из разных мест. Часто приходил за баклагами наш диакон Андрей, громогласный, веселый, любивший хлебнуть чарку-другую матушкиной малиновой наливки. Надо сказать, именно он научил меня читать и писать. Моя писанина приводила его в восторг: «Ты смотри, Антонина Архиповна, как Тимошка-то буквы выводит, – басил он, обращаясь к матери. – Это ж чистая каллиграфия!» Тогда же я начал и рисовать. Помню, диакон глянет на мои художества, поднимет палец и выдаст нараспев: «Малевать оно можно, только б не было в том греховного содержания.

Моим лучшим другом на хуторе был Сенька-болдырь, сын нашего соседа Ильи Василича и ясырки, пленной турчанки. Мы с ним быстрее ветра носились на лошадях по степи, метко стреляли из турецких кремневых ружей, наперегонки переплывали Дон. Часто боролись, иногда даже дрались, выявляя сильнейшего. В этих забавах, между прочим, я всегда выходил победителем, а Сенька не расстраивался, не таил, как другие, обиду. Улыбнется, обнимет меня, и мы помчимся с ним по своим мальчишеским делам, как ни в чем не бывало. Он научил меня жарить шиш-кебаб на углях и немного болтать не по-нашему, по-турецки, то есть. Мне думалось, что нашей дружбе не будет конца, но однажды сорвиголова наступил на своем дворе на ржавый гвоздь, пошло заражение, и его не стало.

Едва я пришел в себя после смерти друга, как моего отца сгубила скоротечная лихорадка. Но самая страшная потеря случилась летом 1717-го: пронесшаяся по станицам и хуторам оспа не пощадила милую матушку. Справив после похорон поминки, я засобирился в дорогу – надо было донести скорбную весть до родного дяди, Якова Архипыча, и его сына Исяя, живших в селе Подгорное, что под Романовом-в-Степи. В последний раз я бывал в тех местах в 1711-м, гулял на свадьбе двоюродного брата Ивана Юрьева, прибывшего на землю предков из далекой Америки.

Я помолился Богу и отправился на своем гнедом по кличке Орлик в путь. Поехал прямехонько на север, держась левого берега Дона. Верстах в тридцати от Богучара, приустав, устроился на ночлег в небольшом распадке. Разжег костерок, перекусил, прилег на траву... и в следующий миг оказался в руках крымчаков! Как когда-то сестра матери, тетя Маша, и ее будущий муж Антон Крюк или Юрьев. Татары подкрались незаметно, с подветренной стороны, Орлик не почувствовал угрозу. В их рядах были эти чертовы некрасовцы! Я просил вражьих казаков отпустить меня, но они только указывали на меня ногойками и ухмылялись в усы...

Вот так круто повернулась моя судьба. Татары доставили меня вместе с другими русскими пленниками в Кафу, где и продали Юсуф-паше, капитану Османского флота. Шла война турков с Венецией, и многие из нас оказались на патрульной галере. Двигать веслом на ней, однако, мне пришлось недолго, всего три месяца. У знатного турка меня выкупил корсар Ахмед из Туниса. Один мой сосед по банке на галеасе был англичанином, другой – французом, так что волей-неволей я научился понимать и эти языки.

На борту быстроходного корабля Ахмеда я провел около восьми месяцев. Средиземноморскому пирату, видно, потребовались деньги, и он отправил группу своих рабов, включая меня, в западный Магриб, на невольничий рынок города Марракеша. Там я привлек внимание мориска Абдельхалека из Сале, искавшего работника на подмогу своему арабу-бондарю, изготавливавшему винные бочонки.

– Голубоглазый урус мне подойдет, – разобрал я его речь, обращенную к продавцу. Из-за влияния Османов на народы Магриба в арабском языке было немало турецких слов. – Знает бочарное дело, выглядит крепким и смышленным.

С англичанами, Дэвидом и Беном, я познакомился на третий или четвертый день пребывания в Сале. История их такова: оба были моряками на невольничьем судне, но с полгода назад, за какие-то провинности капитан высадил их на диком берегу Гвинейского залива. Построив лодку и оснастив ее холщовым парусом, они на свой страх и риск вышли в море. Кончилось плавание, не успев начаться – в тот же день бедолаги нарвались на магрибских пиратов и оказались, как и я, в Сале.

Дэвид, трудившийся в лавке соседнего еврея-винодела, со своими высокими скулами, узкой линией губ и глубоко запавшими темными глазами походил на настоящего разбойника. Как-то в шутку попытался подмять меня под себя, но я скоро уложил его на обе лопатки. Попробовал бороться на руках, но и тут у него ничего не вышло. Проигрывать англичанин не любил, не то, что мой покойный приятель Сенька-болдырь. Я видел, как недовольно поблес-

кивали его глаза после каждой схватки. Но надо отдать ему должное, хмурился и переживал он из-за этого недолго.

Бен был высок, нескладен, имел вздернутый нос. Силы свои он прилагал у местного араба, парусных дел мастера. Лица и того, и другого я отобразил в тетрадке, которую завел развлечения ради.

– Да ты, смотрю, малевать мастер! – хлопнул меня по плечу Дэйв, увидев свой портрет.
– Похож я тут, один в один!

Речь о побеге зашла через месяц после нашего знакомства. Выяснилось, что каждый готов рискнуть. Сарацинский плен, порешили мы, должен остаться в прошлом.

– В подвале винодела смастерим складную лодку, вынесем ее по частям за ворота и под покровом темноты выйдем в море, – говорил Дэвид. – Невдалеке от берега проходит Канарское течение, с ним и поплывем на юг. На Канарские острова заходить нельзя, Испания снова воюет с Англией. Поэтому проследуем мимо, все свои надежды возложим на встречу с торговым или военным английским кораблем.

– Сколько брать с собой воды? – спросил я. – Вам виднее, мореходы.

– Думаю, хватит большого бурдюка на всех, каждый прихватит с собой еще и немного хлеба. Перегружать лодку нельзя.

Заготовки для киля, банок, шпангоутов, весел и небольшой мачты в бондарной мастерской имелись в достатке. С парусом и обертыванием складного суденышка вощенной парусиной также не должно было возникнуть трудностей. В этом вопросе Бен был нам в помощь.

Сказано-сделано. День за днем мы готовили нашу спасительную лодку, загодя продельвая в деревянных частях отверстия для ее последующей сборки. У Бена имелось разрешение доставлять паруса на ослике к стоянкам кораблей, поэтому готовые части вывозил за ворота и прятал поближе к побережью именно он. В последние дни нам пришлось ускорить подготовку к побегу. Неожиданно обнаружилось, что торговые дела пошатнулись как у еврея-винодела, так и у моего Абдельхалека. Сводя концы с концами, те легко могли продать нас на галеры, а этой постылой участи не желал никто из нас. Сделки с местными корсарами могли состояться в любой момент. Ближе к вечеру Бен встретился со стражником Махмудом, объяснив ему, что кроме парусины капитан отплывающего галеаса затребовал пустой бочонок и бурдюк вина.

Хоровод моих мыслей прервал обговоренный сигнал – крик совы. Я встал, одернул длинную, до лодыжек, арабскую рубаху, сунул тетрадку с графитными карандашами в специально пришитый карман, обулся в сандалии. Взяв суму, в которой лежали наполненный водой бурдюк, хлеб, молоток, гвозди и, взвалив на плечо пустой бочонок, вышел наружу. Дэвид поджидал на улице, держа в руке похожую сумку с двумя бурдюками вина.

– Ждем Длинноногого? – тихо произнес он, оглядываясь по сторонам.

– Я думал, он уже здесь.

Через минуту послышался стук копыт животного, на котором наш товарищ развозил свои изделия.

– Стражник Махмуд пропустит только нас с Тимом, Дэйв, – сказал Бен. – Тебе придется устроиться под парусиной.

– Ладно, – махнул рукой темноволосый англичанин. – Надо, так надо.

– Махмуд не станет артачиться? – спросил я.

– Я пообещал ему в дар вот это, – улыбнулся Бен, вынув из сумки приятеля один из бурдюков.

– Пьет? Греха не боится?

– Перенимает дурные привычки у пиратов, – усмехнувшись Дэвид. – Тут их, сами знаете, немало.

Прежде в Сале процветала пиратская республика, которой руководили капитаны галеасов. Во главе них стояли «великие адмиралы», такие, как принявшие ислам голландцы Ван

Хаарлем и Дирк де Венбор. Веселые денечки кончились для них в 1660-х годах, когда Сале подпал под власть суфитов. Быть в подчинении исламистов, проповедовавших умеренность, не очень-то нравилось пиратам, и они заключили союз с влиятельным марокканцем Мулаем Рашидом ибн Шерифом. Тот через несколько лет стал верховным правителем и быстро положил конец существованию вольной республики. Пираты в городе, конечно, остались, но оказались под каблуком у султанов. Ныне, к примеру, Мулаю Исмаилу ибн Шерифу, наследнику Рашида, принадлежали в Сале восемь из девяти пиратских галеасов!

– Султан закрывает глаза на проделки пиратов, – продолжил Дэйв. – На виноторговлю тоже. На неделе Махмуд заглянул в нашу винную лавку, о грехе и не думал...

– Ну, будь, что будет, – мотнул головой Бен. – Дэйв, возьми сумку Тима и ложись на ослика поперек крупы!

Накрыв товарища парусиной, он в молитве зашевелил губами. Я прочитал «Отче наш» и трижды перекрестился.

– С Богом! – махнул Бен рукой.

Пока мы продвигались по улице, редкие в этот час прохожие почти не обращали на нас внимания. Лишь один горожанин, согбенный старик с козлиной бородой, приостановился и долго смотрел нам вслед. На подходе к воротам мое сердце молотом застучало в груди. А вдруг не пропустят? Что если один из стражников увяжется за нами, чтобы переговорить с капитаном галеаса? Тогда все и откроется, мы окажемся в беде по самую макушку...

Но Махмуд, коренастый, веселый, с родимым пятном во всю щеку, выхватил у Бена винный бурдюк и без лишних слов провел нас через могучие ворота.

– Смотрите там, – бросил он нам в след, – с возвращением не тянуть!

Я вздохнул свободнее. В пространстве между городскими стенами и морским берегом не наблюдалось никакого движения. Слышался громкий шум прибоя, на фоне вечерней зари виднелись мачты галер, галеасов и большого фрегата.

Дэйв выбрался из-под складок парусины еще на подходе к песчаному наносу, под которым Бен устроил тайник. Я сбросил с плеча бочонок, чтобы помочь товарищам извлекать из песка деревянные части. Мы разложили их, соединили с помощью гвоздей и обтянули непромокаемой парусиной. Осмотрев в сгущающей темноте окрестности, погрузили в готовую лодку мачту с парусом, весла, припасы и, не мешкая, понесли ее к линии прибоя. Зайдя подальше в воду, забрались в суденышко, расселись по банкам и тут обнаружили, что парусиновые бока пропускают воду. Не так уж и много, но она, просочившись в сумки, насквозь пропитала весь запас хлеба!

Но делать было нечего. Бен принялся вычерпывать воду, а мы с Дэвидом поставили парус, взяли за весла и стали медленно удаляться от берега. Брошенный ослик некоторое время смотрел в нашу сторону. Потом прокричал громкое «иа-иа» и, помахивая хвостом, уныло побрел к городским стенам.

Напрягаться нам с Дэвидом пришлось недолго, вскоре лодку подхватило течение и бойко понесло на юг. Нас охватил прилив торжества. Проклятое рабство позади! Свобода! Сколько дней и ночей мы мечтали о ней?! Радуюсь как дети, мы прикладывались к бурдюку с вином до тех пор, пока он не опустел.

– Ну, что я говорил, Тим?! – сжал мое плечо Дэвид, сверкая темными глубокопосаженными глазами. – Мы сделали это!

– Ура! – тряс руками Бен. – Сделали, да еще как!

Всеь день мы находились в приподнятом настроении. Выпитое вино приятно шумело в голове, поощряя к веселью. К вечеру, однако, радость несколько потускнела, сменилась озабоченностью. За пройденное время мы не увидели ни одной посуды, океан был совершенно пуст.

– Как на зло, на горизонте ни вымпела, ни кончика флагштока! – выдавил из себя Дэвид, стукнув кулаком по ладони. – Проклятье!

Скверное положение дел действовало на нервы, лишало уверенности. К тому же, от пропитанного солью хлеба и жары разыгралась сильнейшая жажда. Питьевой воды из-за этого значительно поубавилось. Решили беречь драгоценную влагу, сохранять ее как можно дольше, пить буквально по капле.

Ночью наша самодельная лодка миновала Канарские острова. Вслед за нами было увязалось сторожевое суденышко, но скоро отстало.

– Эй, в фарватере! – кричал Дэвид, приложив руки ко рту. – Поднажмите еще!.. Что, не выходит? Горите в аду, чертовы паписты!

Как не сберегали мы воду, как ни старались, к полудню ее не осталось. Тропическое солнце превратило наше плавание в невыносимую муку. На следующий день – то же самое. Есть и пить хотелось так, что темнело в глазах. Хуже всех выглядел Бен, он осунулся, стал заговариваться, а под вечер потерял сознание. Мы с Дэвидом уложили его на днище и продолжили с надеждой оглядывать кромку океана. Все впустую, перед нашим взором лишь трепетало знойное море.

Отчерпывая в каком-то полузабытии воду, я в очередной раз поднял глаза на пройденный путь. Ни-че-го, только море, только облака. Вдруг вдали блеснуло белое пятнышко. Я привстал в лодке и застыл, в напряжении вытянув шею. Там парус?.. Или мне это чудится? Я прикрыл и открыл глаза, провел по ним ладонью. Белая точка вдали слегка увеличилась в размерах.

– Корабль! – вскочил я на ноги, чуть не перевернув лодку. – Там, за кормой, парус!

– Что? – встрепенулся Дэвид. – Ты сказал – «корабль»?.. Мать Божья! Он идет нашим курсом, Тим!

Мы принялись бешено размахивать руками и кричать во все горло. Бен пришел в себя, присел и, уразумев причину нашей радости, прижал к губам крестик, свисавший с тощей шеи.

Корабль приближался, его форштевень уверенно разрезал волны, светлые паруса в свете заходящего солнца полнились легким бризом.

– Двухмачтовик, – произнес Дэвид, всматриваясь вдаль. – Похоже, что шнява...

Еще несколько волнующих мгновений, и корпус судна замаячил над нашей лодкой. Нам скинули штурмтрап, и мы не без труда вскарабкались на палубу. Нас сразу окружили матросы с сигнальным фонарем, подтянулся и начальствующий состав.

– Вы кто такие? – спросил важного вида моряк в красиво отделанном камзоле и шляпе со страусиным пером.

– А вы? – прокричал Дэвид.

– Я капитан шнявы «Кадоган»...

– Постойте, мистер Скиннер, – вмешался в разговор высокий верзила в красном головном платке, указывая на Дэвида. – Я, кажется, его знаю... Провалиться мне на месте, если это не второй боцман брига «Удача»... Помнишь попойку в бристольской таверне «Ржавый кубок», приятель? Ты еще болтал, что до ухода в море был в ученичестве у портного... Да-а, в той потасовке я огреб порядочный синяк...

– А мне пробили бутылкой голову, – ухмыльнулся мой товарищ. – Не забыл я и то, как ты убалтывал меня перейти на вашу шняву... Вот я и на ней, черт меня дер!

– А что же случилось с «Удачей»?

– С бригам все в порядке, я не сошелся в кое-каких вопросах с его капитаном. Расскажу обо всем потом, как оклемаюсь... Тут такое дело, мы втроем бежали из сарацинского плена, прямо из Сале. Третий день болтаемся на жаре без еды и воды в этой самодельной складной скорлупке. Думали, что нам конец, и вдруг вы на горизонте!.. Ну, записывайте нас в свой судовой журнал, капитан. Вот этот протягалень, только что пришедший в сознание – наш соотече-

ственник Длинноногий Бен Уизерли, рядом с ним – Тим Фэлкон из далекой России, ну, и я, Дэйв Пью. Считаю, мы сработаемся с вами.

Глава 2

На судне нас накормили, напоили, выдали новенькую одежду. Ночью мы крепко выпались, а наутро меня определили в помощники к плотнику, Бена – к парусных дел мастеру, Дэвида капитан назначил вторым боцманом или боцманматом. Боцманом на корабле был Сильвер, тот самый здоровяк в красном головном платке, которого все звали Долговязым Джоном. Я не успел глазом моргнуть, как Пью сдружился с этим общительным и веселым человеком, имевшим немалый авторитет у матросов. Бен быстро сделался своим среди них, ко мне же, чужестранцу, все приглядывались, оценивали, держали на расстоянии. Старый плотник Колин Марстон и тот смотрел на меня волком. «Не люблю русских, - первое, что он буркнул мне, указывая на отсутствие двух зубов во рту. – Архангельский купец вышиб, морского ежа ему в плотку!»

Общее отношение поменялось в лучшую сторону дней через пять, когда я в кулачном бою побил матроса-задиру Неда Кроули. Не подумав, тот толкнул меня и обозвал «дубиной», за что и был наказан – в ходе короткой схватки отхватил такого удара в челюсть, что рухнул на палубу и долго валялся без признаков жизни. Помню матросы открыли рты, а Пью, переглянувшись с подштурманом Билли Бонсом, многозначительно двинул локтем в бок Сильверу, как бы давая знать: «Что я вам говорил? С этим русским лучше не связываться!»

– Рано радуешься, – зыркнул на меня Марстон. – Нед это так просто не оставит. Берегись!

Шнява «Кадоган» была торговым кораблем, хранившим в своем трюме самый разнообразный груз – от мачтового леса и бочонков с вином до одежды, обуви и блестящих безделушек. Все последние годы курс она держала один и тот же – сначала на Гвинеский берег, затем в Вест-Индию, оттуда к берегам Северной Америки и, наконец, домой, в гавань Бристоля. В этом рейсе она шла проторенной дорожкой к берегам Западной Африки для торговли «черным деревом», то есть чернокожими рабами. Это занятие англичан нравилось мне мало. Рожденный свободным на южных просторах Русского государства я не мог не осуждать работорговлю, но кому это было интересно? Самый последний матрос посмеялся бы надо мной, выскажи я ему свое мнение.

Капитан Скиннер, как я скоро понял, был хорошим моряком и торговцем, но неважным человеком. Любил крепко выпить, жесткости и грубости в нем было хоть отбавляй. Рассказывали, как он, разругавшись в предыдущем плавании с некоторыми членами команды, выслал их на военный корабль, не заплатив ни гроша. Я не раз представлял себе, что стало бы с ним, повстречай он этих бедолаг на жизненном пути.

Второй по значимости фигурой на корабле был штурман, уроженец Уэльса Хоуэлл Дэвис, занимавший до смерти прежнего штурмана должность помощника. Он также неплохо разбирался в торговле и знал, как поддержать дисциплину. Казалось бы, два самых важных должностных лица на судне должны были жить душа в душу, дополнять друг друга, ан-нет, между ними существовали разногласия, и нешуточные. У каждого были сторонники, ни тот, ни другой не собирался уступать, хоть как-то сдавать свои позиции. И сближало их в этом плавании лишь одно: боязнь увидеть в море черный флаг. Дело в том, что в январе Вудс Роджерс, знаменитый в прошлом капер, был назначен королем Англии генерал-капитаном Багамских островов, этого известного пиратского гнезда. И Дэвис, и Скиннер пришли к выводу, что значительная часть разбойников изберет местом своего промысла воды западной Африки, те самые, что бороздила шнява «Кадоган».

Как оказалось, предостережение Марстона оказалось пророческим. В один из вечеров, когда я в одиночестве прогуливался по палубе с трубкой во рту, мимо моей головы просвистел

какой-то увесистый предмет и упал в море. Мне не удалось разглядеть метателя, но вопросов, кто он, у меня не возникало. «Буду впредь начеку», – решил я.

Дня через два после этого случая меня вызвали на разговор Пью и Сильвер. Они направились к шкафуту, сели на мотки каната и закурили. Я порылся в карманах и вытащил свою трубку.

– Присаживайся, Тим, – сказал Дэвид, выпустив клуб дыма. – Как у тебя дела? Все в порядке?

– Идут себе потихоньку, – ответил я. – Грех жаловаться после того, как мы чуть было не сгинули в той нашей самодельной лодке...

– О, да, не появись на горизонте «Кадоган», наши жизни накрылись бы медным тазом. Первым бы отдал концы Бен, он уже и сознание потерял, был почтидохлым... Так, говоришь, у тебя все нормально?

– Да вроде бы. Помогаю Марстону, делаю все, что он укажет, а также свои баклаги.

– Они у тебя получаются, что надо, – заметил Сильвер. – Признаться, никогда не видел такого мастерства! Но вот что скажу тебе, приятель, этот Марстон не особо тебя жалуется.

– Есть такое, – усмехнулся я, вынув трубку изо рта. – Дюже неуживчивый, ершистый, чуть, что не так, сразу ругань, бурчание...

– Прихвостень Дэвиса! – сплюнул Пью, скорчив недовольную гримасу. – Старый дурень!.. Тим, разговор вот о чем: на корабле, как видишь, сколотились две партии, одну возглавляет капитан, другую – штурман. Отвечай прямо, за кого будешь ты? За капитана или за этого гребанного валлийца, Дэвиса?

– Если честно, то за капитана, – чуть подумав, ответил я. – Да, да, за него. Пусть он пьет сверх меры, малость жестковат, но мне не нравится, когда шушукуются за его спиной, смешивают его имя с грязью.

– Ты честный моряк, Тим, – крепко пожал мне руку Сильвер, его широкое дубленое лицо источало редкое дружелюбие. – Нашего поля ягода. Мы с Пью тоже за капитана, каким бы он ни был. Подштурман Бонс, кстати, склоняется к нам, кое-какие замашки штурмана ему тоже не по душе. А тот продолжает мутить воду, желает, чтобы его доля в торговых делах была не меньше, чем у Скиннера, а, значит, и нас оставит в накладе. Многого захотел, чертов выскочка! Будь я проклят, если встану когда-нибудь на его сторону!

– У меня руки прямо чешутся свернуть ему шею! – процедил Пью. – И он знает, что мы против него. Сегодня с такой злобой в глазах взглянул на меня, что я чуть не потерял самообладание и не набросился на него!

Кто знает, чем бы все это дело обернулось, не попали мы у побережья Сьерра-Леоне в судьбоносную переделку. Повстречавшийся нам в тех водах корабль вдруг поднял черный флаг с оскаленным черепом и двумя перекрещенными костями. От неожиданности у многих из нас отвисли челюсти, со всех концов шнявы несло:

– Боже!.. Пираты!.. Пираты!

Все оказались в каком-то ступоре, наблюдая за приближением громадного шлюпа. Дэвис покачал головой и, растолкав матросов, встал бок о бок со Скиннером. Молчаливым валлиец оставался недолго.

– Смотрите, капитан, они делают знаки, – заявил он, наблюдая за приготовлениями на пиратском судне. – Хотят, чтобы мы легли в дрейф.

– Вижу, – кивнул Скиннер. – Черт, вот угораздило!.. Не зря на днях мне снился сон – меня схватила за ногу и утащила в воду большущая белая акула, прямо с палубы!.. Похоже, нам ничего не остается, как подчиниться. На шняве всего две вертлюжных пушки, а у них целая батарея. Если заартачимся, они, вместо черного, выкинут красный флаг!

– Это будет означать: пощады не жди!

– Вот именно, изрешетят нас картечью и пойдут на abordаж. Понятное дело, в плен брать никого не будут, это верная смерть!.. Милтон, где ты, проклятый лодырь? Вечно тебя не сыщешь, паршивец! Подать голубой шелковый кафтан и саблю!.. Дэвис, хватит колебаться, лечь в дрейф!

Матросы по сигналу штурмана быстро взяли рифы. «Кадоган», лишившись парусности и встав против ветра, почти утратил всякое движение. А пиратский трехмачтовый шлюп медленно приближался, по сравнению с нашей посудиною он был огромен. Грузно покачиваясь в волнах, корабль продвинулся еще немного и тоже лег в дрейф.

Одевшись в новый кафтан и прицепив к поясу саблю, капитан взял с собой в лодку Дэвиса, Сильвера и Пью. Одним из четверых матросов, которые погнали посудину к борту шлюпа, был я. Скиннер, рассчитывая на мирный исход дела, запретил нам взять с собой даже карманные ножи.

Поднявшись на палубу, мы увидели перед собой высокого и черноволосого моряка в широкополой шляпе с пышным пером, расшитом золотом камзоле и высоких черных ботфортах. За красивый кушак были заткнуты два пистолета с перламутровыми рукоятками, с бока свисала богато отделанная шпага. Позади него теснились ряды пиратов, полуголых, загорелых, отчаянно дерзких. При виде них мои руки непроизвольно сжались в кулаки. Опасный сброд... Видно, что человеческая жизнь для них значила немного, произойти могло все, что угодно. Ну, что ж, если придется умереть, то в доброй драке!

– Я Скиннер, – представился наш капитан, склонив голову перед темноволосым моряком. – Мы идем из Бристоля, загружены лесом...

– Меня зовут Ингленд, – перебил его тот. – Можете не перечислять, что в трюме вашей шнявы. Мои люди сейчас проверят все и дадут мне подробный отчет...

– Кого я вижу! – вдруг раздался зычный крик из толпы. – Скиннер!.. Быть не может! Вот не ждал такого подарка!

К удивленному Скиннеру кинулся широкоплечий коренастый пират и схватил его за шиворот.

– Что, подлый пес, признал Джонни Пайна?.. А Пита? А Гарри? Вон они стоят, готовые свернуть тебе шею...

– В чем дело? – недовольно бросил Ингленд. – Что за вздор ты несешь, малый?

– Так ведь это наш старый знакомый. Когда-то он подшутил над нами, теперь наш черед шутки шутить... Что скажете, ребята? Вернем должок?

Названные пираты, ухмыляясь, присоединились к Пайну. Оставив Скиннера, тот подступил к Ингленду и сказал ему несколько слов.

– Оказывается, у вас здесь нашлись знакомцы, капитан, – выгнул тот картинно бровь. – Тогда не стану мешать вашему общению.

Сказав это, он с важным видом удалился в свою каюту. Не успела дверь за ним закрыться, как троица пиратов схватила Скиннера и, стащив с него кафтан и рубашку, поволокла к грот-мачте. По пути его колотили кулаками, нещадно били ногами.

У меня сжалось сердце. Я дернулся вперед, но мощная рука Сильвера мгновенно вернула меня на место.

– Желаешь, чтобы тебя размазали по палубе? – послышался его свистящий шепот. – Ты этого хочешь?

– И мы тебе ничем не поможем, в случае чего, – добавил Пью. – У нас с собой нет даже ножей... Джон, похоже, это те парни, которых Скиннер отправил на военный корабль!

– Видно, они, – согласился Сильвер. – Вот не повезло бедолаге!

Бывает же такое! Скиннер встретился со своей судьбой, допущенная им несправедливость обернулась для него настоящим бедствием. И что в таких обстоятельствах могли сделать мы?.. Нам оставалось только наблюдать за происходящим. Я мельком взглянул на Дэвиса: в

выражении лица валлийца не было ни капли сочувствия. Если во мне еще теплились остатки уважения к этому человеку, то они безвозвратно исчезли.

Тем временем Пайн и его дружки привязали Скиннера к мачте. Он обзывал их скотами, скрежетал зубами, но когда они начали разбивать его лицо в кровь, не выдержал, стал молить о пощаде. У Пайна в руках оказалась непотная бутылка, он сделал несколько глотков и плеснул ром в распухшее лицо пленника.

– Что, сволочь, не нравится обхождение? Это только начало!

Бутылка заходила по рукам, пока не опустела. Пайн сделал последний глоток и, отступив на несколько шагов, запустил ее в Скиннера. Стекланный снаряд попал бедняге в грудь, и он, сжавшись от боли, зарыдал как малое дитя. Его слабость лишь раззадорила бывших подчиненных, избивание продолжилось с новой силой.

Крики и стоны жертвы разрывали мне сердце, я до крови прикусил нижнюю губу.

– Пайн, заканчивайте там! – послышался в этот момент резкий голос Ингланда. – Тебе ясно?

– Все, капитан, – отозвался пират, придерживая своих приятелей. – Наша встреча подошла к концу.

Шутливо поклонившись Скиннеру, он выхватил пистолет из-за пояса и приставил дуло к его голове. Я отвернулся одновременно с выстрелом.

– Вот и все! – прозвучал голос Пайна. – Вообще-то, Скиннер был сносным парнем. Но он поступил подло, и получил по заслугам!

После того, как труп отвязали от мачты и, наспех зашив в парусину, сбросили за борт, последовал грабеж нашего судна. Надо сказать, выборочный, частичный. На палубе шлюпа через некоторое время выросла куча съестных и винных припасов, трюмы шнявы лишились всего наиболее ценного. Ингланд с видом владыки прохаживался взад-вперед, наблюдая, как шлюпки ходят от одного корабля к другому, как растет эта куча.

– Довольно! – приказал он, когда из каюты Скиннера доставили саквояж с деньгами. – Команду шнявы, кроме одного на руле, сюда!

Спустя считанное время наш экипаж выстроился перед пиратским капитаном. Он бросил на нас беглый взгляд и произнес:

– А теперь, ребята, я приглашаю вас всех присоединиться к нам... Что застыли, как говяжий студень? Объясняю: пиратская жизнь – веселая штука, никакой непосильной работы, вся добыча, какой бы она ни была, делится самым честным образом. Рома всегда хоть залейся, в портах женщины на любой вкус!.. Но для начала мы вот что сделаем – проведем выборы. Я к тому, что корабль без капитана, что ни говори, кусок плавающего топляка, не больше. Вам нужно выбрать себе нового командира, друзья. Дельного, толкового, способного принимать верные решения. Приступайте!

Команда шнявы разбилась на две партии. Выборы были недолгими, обменявшись суждениями, наша группа выдвинула Сильвера. Но поскольку сторонников Дэвиса оказалось больше (оставшийся на руле также проголосовал за него), то он и стал, в конечном счете, капитаном.

– Так, так, – проговорил Ингланд. – Значит, вы избрали, парни... Как вас там?

– Дэвис, сэр, – представился валлиец. – Хоуэлл Дэвис из Милфорда, что в Уэльсе. На «Кадогане» я был помощником капитана, занимал должность штурмана.

– Хм-м, похвально... И давно в море?

– Едва ли не с детства, сэр!

– Вот оно как... Ну, хорошо, а как же насчет моего предложения? Не тяните, капитан Эдвард Ингланд и его бравая команда ждет от вас ответа.

– Сэр, капитан Скиннер мертв, – сказал Дэвис, поправив треуголку. – Теперь я за него, и мой долг – доставить «Кадоган» с остатками груза по назначению, на остров Барбадос.

Лицо Ингланда заметно вытянулось. Он фыркнул и повертел пальцем у виска.

– Вы думаете, вас там, на Барбадосе, похвалят, Дэвис? Объявят героем?.. Как бы не так! Скиннера прикончили мои люди, но вся вина падет на вашу голову. – Он обвел нас всех взглядом. – Что вы сделали, чтобы спасти его?.. То-то и оно. Власти обязательно отыграются на вас, попомните мое слово.

Дэвис решительно покачал головой. Сильвер и Пью, косо посмотрев на него, собрали вокруг себя своих приверженцев. Выяснилось, что почти все склоняются к тому, чтобы служить под началом Ингланда. Слово за нас вызвался молвить Долговязый Джон.

– Мы тут, как полагается, переговорили меж собой, пораскинули мозгами и сошлись вот на чем: вы правы, капитан Ингланд, власти Барбадоса не поверят нам и обязательно упекут в тюрьму. Коль Дэвис намерен плыть туда со своими двенадцатью сторонниками, семь футов ему под килем! Пусть плывет, его решение. А мы прямо сейчас идем к вам!

В последний момент у меня в голове мелькнуло: это же путь к пиратству! Меня заставят подписаться под договором, я буду плавать под черным флагом, грабить мирные корабли...

– Ты чего, Тим? – толкнул меня в бок Длинноногий Бен. – Что раздумываешь?.. Поплывешь с Дэвисом?

Вот уж с кем мне не хотелось ходить по одной палубе!.. Да, валлиец принял мужественное решение, проявил стойкость, но что он мне? Я не слышал от него ни одного доброго слова, как и от его сторонников, таких как Нед Кроули и старик Марстон, которому русские в Архангельске посчитали зубы. Я приятельствую с Пью и Беном, мне по душе Сильвер с его общительностью и остроумием... А тут – Барбадос. Не хватало, чтобы я угодил там за решетку!.. А Ингланд не такой уж рьяный разбойник – пощадил экипаж шнявы, оставил на ней больше половины груза. Щедрый человек!.. Да, все мы стали свидетелями кровавой сцены, но Пайн и его дружки лишь отплатили Скиннеру за несмываемую обиду...

– Нет, не с Дэвисом, – мотнул я головой. – С Сильвером и Пью.

– И я с вами, парни! – раздался громкий голос.

Эти слова произнес подштурман Билли Бонс, широкоплечий парень с тяжелым подбородком и смышленными серо-голубыми глазами. Мельком взглянув на Дэвиса, он развел руками и бесповоротно примкнул к нам. Ингланд больше не сказал ни слова. Валлийца и его людей он движением пальцев отправил грузиться в шлюпки. Через пять минут они были на «Кадогане», через полчаса распустили паруса и тронулись в путь.

«Шнява уходит, – подумал я, провожая взглядом удалявшийся корабль. – А что ждет тебя, Тимофей? Какая тебе уготована судьбина?»

Двухмачтовое судно постепенно уменьшилось до белой точки и, наконец, пропало совсем. Исчез из нашей жизни и Дэвис, чтобы на Барбадосе действительно попасть в тюрьму по обвинению в сговоре с Ингландом. Пришлось ему три месяца ни за что, ни про что хлебать жидкую баланду. Выйдя на свободу, озлобленный валлиец отправился на Багамы, в Нассау, и нанялся там на один из двух шлюпов, снаряженных для борьбы с пиратами. Склонить команды кораблей к заговору опытному мореходу не составило труда. Кривая вывела-таки его на пиратскую дорожку, и та едва не свела нас снова!

Глава 3

На своем веку я повидал разных пиратских капитанов, однако Ингланд стоит в этом ряду особняком. Мне хватило совсем немного времени, чтобы понять, что перед нами человек воспитанный, утонченный, настоящий джентльмен, как обмолвился о нем Сильвер в первый день нашего пребывания на шлюпе. Внешним своим видом, обхождением, малейшим жестом он разительно отличался от тех, кто причислял себя на корабле к лордам или офицерам. Храбрости и удали ему было не занимать, но он также не лишен был сострадания к противнику. Часто бывало так: принудит корабль к сдаче, возьмет часть груза, выпьет с капитаном вина и

отпустит его вместе с командой на все четыре стороны. Случалось, сохранял жизнь даже тем экипажам, которые осмеливались бросать нам вызов, драться с нами.

Таким был наш новый капитан. Но что подвигло его оставить добропорядочную жизнь? Какие причины вызвали в Эдварде Инглэнде желание бродить по морям с разбойничьей ватагой? До поры, до времени я этого не понимал, пока в один из дней плавания не оказался по его зову в капитанской каюте.

Инглэнд, разряженный в великолепные одежды, сидел на стуле с высокой спинкой и, закинув ногу на ногу, читал книгу. Широкий стол перед ним был завален бумагами, безделушками, картами, заставлен навигационными приборами, шкатулками разной величины, красивым позолоченным канделябром.

Войдя в пахнущую духами и табаком каюту, я представился капитану.

– Так, так, – проговорил он, отложив томик и окинув меня внимательным взглядом. – Тим Фэлкон, значит. И как вам служба на моем шлюпе?.. Он тесноват для такой многочисленной команды, как наша, не находите?

– Вы правы, сэр, на палубе особо не разгуляешься, – ответил я. – А что касается службы, то привыкаю.

– Это радует. – Он глазами указал на стул. – Ничего, скоро мы перейдем на другой, более вместительный корабль... Боцман Пью говорил мне, что родом вы из России, что попали в плен к татарам, были проданы туркам, оказались в Сале, откуда и бежали. Это так?

– Верно, сэр, – сказал я, присаживаясь. – Все правда, до единого слова.

– Хм-м, Россия, далекая заснеженная страна на севере... А вы знаете, мой соотечественник, ирландец из Лимерика Пирс Эдмонд де Лейси, сделал в ней карьеру. Насколько мне известно, он и ныне там, имеет чин генерал-майора!

– Ну, иностранцев хватает в русской армии. Я слышал о шотландцах Алларте, Брюсе, Огилви, Чамберсе.

– Царь Петр – выдающаяся личность, великий воин! Король Карл со своими хваленными шведами вряд ли выстоит против него в Северной войне... Поди, тянет на родину, Фэлкон?

– Первое время оно, конечно, тянуло, теперь не то. У меня ведь, сэр, на Дону никого не осталось. Ни отца, ни матери, не успел завести и свою семью.

– Понимаю, мы с вами в чем-то схожи. Я тоже одинок, родные места далеко-далече. Увидим ли мы их снова? – Инглэнд помолчал и, вздохнув, посмотрел на меня. – И кем же были на «Кадогане»?

– Помощником плотника.

– А здесь чем занимаетесь?

– Тем же самым, в помощниках у плотника Тома Моргана.

Инглэнд разжег трубку с изящно изогнутым мундштуком, попытался ею и пустил вверх облачко голубоватого дыма.

– Ну, да, это понятно... Еще вот какое обстоятельство, Фэлкон, Пью обмолвился, что вы неплохо рисуете.

– Не так, чтобы очень, – пожал я плечами, – но...

– А мы сейчас и посмотрим!.. Тут такое дело, я хочу, чтобы вы отобрали меня на бумаге, требуется что-то вроде портрета. Желательно, в полуанфас. Отправлю рисунок через надежных людей в Ирландию, своим давним друзьям... По такому случаю, как видите, я облачился в свою лучшую одежду. К вашим услугам бумага, перо, чернила, графитовый карандаш.

– Постараюсь исполнить вашу просьбу, – сказал я, укладывая перед собой чистый лист. – Сядьте поудобнее.

Инглэнд устроился в кресле, сложил руки на груди и устремил взгляд своих умных глаз в иллюминатор, на безбрежное море.

– Так сойдет? – спросил он, не поворачивая головы.

– Да, вполне.

К поставленной задаче я отнесся со всей ответственностью. Поместив на нужное место канделябр с зажженными свечами, вооружившись карандашом, я присмотрелся к облику капитана и стал аккуратно, черточка за черточкой, переносить его на бумагу. Работа ладилась, и вскоре линии и штрихи сложились в отчетливый образ. Рисунок получился на загляденье, что не преминул отметить и сам капитан.

– Да у вас талант, дружище!.. Превосходно, лучшего и желать нельзя! – Он сходил к небольшому столику и налил два бокала вина. – Выпьем за хорошо выполненную работу!

Я пригубил из бокала, вино было превосходным, вероятно, испанским. Смакуя его, поглядел на томик, лежавший на большом столе.

– Когда я вошел сюда, сэр, вы читали книгу. Можно узнать, как она называется?

– «Кругосветное путешествие» Вудса Роджерса. Книга вышла шесть лет назад в Лондоне.

– Вудс Роджерс, это тот, кто...

– Он самый. Этим летом прибыл в Нассау с военными кораблями и королевским указом о помиловании пиратов. Некоторые капитаны откликнулись на его призыв, я же на своем шлюпе отправился сюда, к берегам Африки.

– Почему, осмелюсь спросить?

Ингленд бросил на меня быстрый взгляд. На миг показалось, что он сейчас выставит меня за дверь, но этого не случилось.

– Отвечу, – медленно проговорил он, прищулив глаза. – Захотелось дышать полной грудью, ощутить ничем не стесненную свободу, поймать птицу удачи!

Оказывается, вот что привело Ингленда на пиратскую стезю: мечта быть независимым и состоятельным. Что ж, он был на пути к исполнению своих желаний. Только кому дано знать будущее?

– А о чем, скажите, пишет Роджерс в своей книге? – переменял я тему. – Она интересная?

– Вполне. Он пишет о далеких странах, захвате призов, приключениях, – ответил капитан, постукивая пальцами по обложке. – Он повидал многое, был тяжело ранен... Да, на одном из островков в Тихом океане обнаружил одетого в козышку человека, проведенного в одиночестве целых четыре года. Можете себе представить?.. Это был Александр Селкирк, моряк из Шотландии...

– Я бы с удовольствием прочитал эту книгу.

– Так в чем же дело?

– Не обучен английской грамоте.

Ингленд усмехнулся, придвинул к себе чистый лист, обмакнул перо в чернила и вывел на нем большие буквы и слоги английского алфавита.

– Осилите это, начнете составлять слова, тогда и получите книгу. – Он вручил мне бумагу и дружески похлопал по плечу. – Дерзайте, молодой человек!

Я вышел из капитанской каюты с твердым намерением выучиться читать в кратчайшие сроки. Воспользовавшись помощью Пью и Сильвера, я буквально через неделю предстал перед капитаном с тем же бумажным листом, исписанным на обороте простыми предложениями на английском языке. Тот взял его в руку и в удивлении покачал головой.

– Какой красивый почерк! Неужели ваш?

Я кивнул без всякого смущения.

– Вот что, Фэлкон, перебирайтесь-ка в мою каюту. Я научу вас вести журнал приходов и расходов, вносить названия захваченных призов, фамилии капитанов, наименования грузов и прочее. С таким почерком, и в помощниках у плотника? Это недопустимо, будете у меня на корабле клерком!

Таким образом, по воле капитана я вошел в число избранных на шлюпе, так называемых «лордов». Отмечу, Сильвер с Пью сохранили боцманские должности, Билли Бонс оставался подштурманом, Длинногий Бен – помощником парусных дел мастера. Но если трое, хотя бы на словах, были довольны своим положением, то Долговязый Джон откровенно метил в квартирмейстеры. И совершенно по делу: обладая большой физической силой, сметкой и красноречием, он смог бы держать людей под контролем, вести их за собой в абордажные схватки, справедливо делить добычу.

Жизнь, между тем, продолжалась. К концу года у побережья Сьерра-Леоне мы взяли несколько незначительных призов и уже собирались отправиться на северо-запад, к островам Зеленого Мыса, как в тех местах нам повстречался еще один корабль, более внушительных размеров. Его паруса разглядел вперёдсмотрящий. Когда по приказу Инглэнда на нашем флагштоке заколыхалось черное полотнище, мы не обнаружили на чужаке никаких признаков военных приготовлений.

– Там, видно, решили не доводить дело до кровопролития, – предположил Инглэнд.

Вслед за этими словами на чужаке подняли флаг, точно такой же, как у нас, черный, с черепом и костями.

– Вот оно как! Это меняет дело.

Для знакомства с повстречавшимися джентльменами удачи капитан взял с собой среди прочих меня, Сильвера, Пью и Бонса. Поднимаясь на палубу, мы, как говорят в таких случаях, думать не думали, что нас поджидает знаковая встреча.

Прямо у фальшборта мы увидели широкоплечего молодца с черными, как смоль волосами, очевидно, капитана.

– Рад приветствовать на своем судне знаменитого Инглэнда! – произнес он резким, с хрипотцой, голосом. – Как только взвился ваш флаг, я сразу понял, кто преградил путь моей «Жемчужине».

Инглэнд хмыкнул, уткнул руки в бока и присмотрелся к черноволосому крепышу.

– С кем имею честь?

– Капитан корабля Тейлор, сэр! Хочу вас уведомить: мы занимаемся одним делом, я и моя команда будем рады составить вам компанию.

Я услышал, как Сильвер, наклонив голову к Пью и, кивая на Тейлора, тихо проговорил:

– Что-то подсказывает мне, Дэйв, что наши пути-дорожки с ним сойдутся надолго... И еще, не видать мне пока должности квартирмейстера, как своих ушей!

– С тобой я плаваю несколько месяцев, – шепнул в ответ мой давний знакомец, – но успел уяснить одно: чутье тебя не подводит.

Инглэнд обвел взглядом немногочисленный экипаж судна, его палубу, оснастку и снова остановил его на здоровяке в сером камзоле.

– Выходит, мы встретились с Ричардом Тейлором?.. Слышал о вас. Что ж, приятно познакомиться, но имейте в виду, мистер Тейлор, вас придется понизить в должности. И знаете почему? Моим кораблем отныне будет «Жемчужина»... Не стоит унывать, отставить все переживания: как только у нас окажется подходящий корабль, вы станете его капитаном. А «Жемчужину» на ближайшем островке мы подвергнем переоснастке и назовем... «Король Джеймс»!

Сильвер слегка толкнул плечом Бонса.

– Я подозревал, Билли, что Инглэнд – якобит, и вот, пожалуйста!

Знал бы наш предводитель, чем обернется для него эта встреча. Но что об этом толковать? Знать бы где упасть, соломку бы подстелил. Как бы то ни было, два капитана ударили по рукам и отправились в дальнейшее плавание вместе. Как и предполагал Сильвер, квартирмейстерская должность досталась Тейлору.

– Ничего, Долговязый Джон умеет ждать, – прищуривал он свои синие глаза. – Для меня все еще впереди.

Тейлору было не более сорока. С год назад он плавал матросом на торговом шлюпе в Вест-Индии, затем оказался в команде Хоуэлла Дэвиса. Да, да, того самого, поднявшего мятеж после тюремной отсидки. Как и мы, Тейлор не сошелся с валлийцем, и у берегов Западной Африки попытался отстранить того от командования, но неудачно. Став капитаном «Жемчужины», он захватил около двадцати судов, а незадолго до знаменательной встречи с Инглендом взял и разграбил на побережье Гвинейского залива французский форт.

Мы хорошенько переоснастили «Жемчужину», и она под новым именем с тридцатью пушками на борту и экипажем в полторы сотни душ поплыла в сторону островов Зеленого Мыса. В тех местах и у Азор было захвачено немало купеческих судов, в основном, английских. Как обычно, одни подчинялись, едва заведя черный флаг, другие после предупредительных выстрелов пробовали защищаться, третьи наотрез отказывались поднимать белое полотнище, выбирая сражение. Вот тогда и показывали себя во всей красе Тейлор и Пью. Эти два абордажника умели биться, знали, как ввергнуть в отчаяние защитников обреченных кораблей.

Незаметно год подошел к концу, вступил в силу новый, 1719-й. По весне Ингленд решил, что пора двигаться к югу. Ход верный, слишком долго околачиваться в одном месте нельзя, того и гляди, дождешься появления на горизонте линейных кораблей с Юнион Джеком на флагштоках!

«Король Джеймс» на пути к Золотому берегу прошел мимо Сенегала, Гвинеи, Сьерра-Леоне и Берега Слоновой Кости. Как подметил Сильвер в разговоре с Бонсом и Пью, это была добрая охота. В приходный журнал я внес массу названий захваченных призов, среди прочих такие: «Орел» из Корка, «Сара» и «Меркурий» из Лондона, «Бентворт» из Бристоля, «Элизабет и Кэтрин», шедший от берегов Барбадоса. И как не отметить тот факт, что с «Меркурия» к нам перешел канонир Израэль Хендс. Это был мастер своего дела, Ингленд вскоре убедился в его пушкарском таланте.

Продолжая в конце лета крейсировать вблизи Золотого берега, мы захватили у Кейп-Корсо бристольскую галеру «Питерборо» и судно «Победа». От капитана галеры Оуэна Ингленд узнал, что на рейде Корсо-Касла встали на якорь два корабля с грузом золота и слоновой кости. Отдав «Победу» Тейлору и назначив Сильвера квартирмейстером на нашем судне, капитан созвал короткий совет. На нем решено было брать ценный груз, и надежды в этом деле возлагались на захваченную галеру.

Сначала все шло как по маслу, «Король Джеймс», «Победа» и «Питерборо» приблизились к форту на расстояние полумили. Над ними развевались английские флаги, и красномундирники решили, что мы торговцы. Наши корабли легли в дрейф, весельная же галера пошла дальше и в нужном месте в одно мгновение превратилась в пылающий брандер. Зрелище было впечатляющим! Ингленд и Тейлор не без оснований полагали, что Принс и Райдер, капитаны «Уиды» и «Джона», спасаясь от огня, в неразберихе уведут свои суда в открытый океан. Но не тут-то было, корабли, снявшись с якоря, устремились к берегу. Пушки самой мощной крепости на Золотом берегу загрохотали с такой силой, что нам пришлось в спешке убраться с рейда Корсо-Касла.

Глава 4

После неудачи у Кейп-Корсо наша крошечная эскадра проследовала вдоль западного побережья Африки к Габону. По пути было взято несколько незначительных посудин, и лишь одна из них, шнява «Суффолк», осмелилась бросить вызов. Несговорчивые торговцы решили стоять до конца даже после того, как 24-фунтовое ядро Израэля Хендса начисто снесло грот-

мачту. Пришлось abordажной команде вступить в дело, и новоиспеченный квартирмейстер проявил себя в нем с самой лучшей стороны. Да, у Сильвера не было иступленности и дикого напора Тейлора, но он брал другим – смелостью, холодным расчетом, уверенностью в себе. Всякий видел, что он не прячется от ядер, не уклоняется от пуль. Сжимая в одной руке саблю, в другой – кремневый пистолет, Долговязый Джон в первом же abordаже заставил людей поверить в себя, заслужил у них уважение.

Потопив непокорный «Суффолк» и дойдя неспешным ходом до мыса Лопес, мы уж хотели развернуться, чтобы снова поискать удачи в водах Золотого берега, как вдруг на правом траверзе, ближе к острову Аннабон, впередсмотрящий разглядел паруса. Ингленд вскинул подзорную трубу к глазам и заметно воодушевился. Подав сигнал Тейлору, он приказал менять курс. Через минуту «Король Джеймс», а вслед за ним и «Победа», понеслись навстречу обнаруженному чужаку.

– Похоже, на этот раз нам попалась стоящая добыча, – слышал я довольный голос капитана. – Корпус вместительный, пузатый, двадцать пушек, водоизмещение тонн триста пятьдесят... Не сойти мне с места, это ост-индец! Да на нем одной корабельной казны столько, что хватит каждому, не говоря уж о грузе!.. Мистер Сильвер, собирайте abordажную команду, готовьте кошки, крючья и багры!.. Мистер Пью, снайперов с запасом пороха и пуль на марсы! Натянуть на палубой веревочную сеть! Мистер Хендс, зарядить пушки правого борта шрапнелью! Держать наготове кнйппели и ядра!

Ингленд никогда не забывал о сети, она натягивалась в защиту от падающих обломков рангоута, шрапнель же применялась перед abordажем за тем, чтобы значительно сократить численность неприятеля. Кнйппелями называли чугунные ядра или полуядра, соединенные цепью – в морском сражении не было лучшего средства для разрушения рангоута и такелажа. Ядра применялись в крайних случаях: капитан не хотел терять ни груз, ни сам корабль, который можно было оставить себе, либо сбыть по хорошей цене в ближайшем порту.

На нашей палубе забурили приготовления. У меня была своя задача: каждый раз, когда возникала необходимость, вверенные мне матросы перекрывали бочками и мешками проходы на полуют и квартердек. Никогда ведь не знаешь, как все обернется. А вдруг дело пойдет не так, как нужно? Что если abordажная команда врага окажется у тебя под носом?

Справившись с заданием, я присоединился на квартердеке к Ингленду, штурману Коллинзу, Билли Бонсу и корабельному врачу Фрейзеру. Мы делились впечатлениями, находя, что «Король Джеймс» слишком быстро нагоняет ост-индца. Вскоре стало ясно почему: ход «Борнмута», так назывался торговец, замедляли поврежденная фок-мачта и изорванные паруса.

– Это нам на руку, – хмыкнул Ингленд. – Но где его так потрепало? Шторма в этих местах не было...

Тут ветер переменился, подул с запада, принесся с собой шум отдаленной канонады.

– Вот в чем дело! – воскликнул капитан. – Ост-индец побывал в сражении!

– Похоже, у Аннабона, – предположил Коллинз, высокий, тощий, с большим острым кадыком на длинной шее.

– Поднять флаг! – скомандовал Ингленд.

Над кормой взметнулось черное полотнище, но на моряков «Борнмута» это не произвело впечатления. Было видно, что нам решили дать бой.

– Привести руль к ветру! – продолжал раздавать команды капитан. – Уменьшить парусность!.. Мистер Хендс, приготовиться!

«Король Джеймс» развернулся по ветру, повернувшись к «Борнмуту» правым бортом.

– Огонь! – проревел Ингленд.

Пушки одна за другой изрыгнули дым и пламя. Картечь горячим ливнем пронеслась над палубой «Борнмута», уничтожая, опрокидывая, ранив скопившихся на ней людей. Я видел кровь на лицах и одежде, слышал предсмертные вскрики и стоны.

Но и мы получили свое. Ост-индец не для того избежал гибели в предыдущем сражении, чтобы бесславно сгинуть в этом. Он ответил, и многим на «Короле Джеймсе» не поздоровилось, а иные и вовсе распрощались с жизнью. Первый залп был откровенно плох, он лишь попортил обшивку в некоторых местах да часть такелажа, но вот второй оказался точнее. Абордажная команда как раз готовилась зацепить кошки и крючья за вражеский борт. Мощный Сильвер был впереди, подбадривая матросов и размахивая тесаком. В него-то и прилетело одно из ядер, отбросив от фальшборта словно тряпичную куклу. Растянувшись на полуяте, он, прежде чем провалиться в беспамятство, поднял голову и увидел, как хлещет кровь из развороченного бедра.

Снаряды противника продолжали сеять смерть и разрушения. Щепки от фальшборта и такелажа летали над палубой как потревоженные осы. Именно от них пострадал Пью. Закрыв окровавленное лицо руками, он рухнул на настил шкафута и стал с воплями перекатываться с живота на спину.

– Черт! – тряхнул Ингленд головой. – Сильвер и Пью, они не у дел!.. Мистер Бонс, возглавить абордаж!

– Есть, сэр! – бросил тот и, выхватив саблю, смешался с матросами.

Раненных отнесли к грот-мачте, где их уже поджидал Фрейзер со своим походным саквояжем. Тем временем в воздухе мелькнули крюки и багры, борта кораблей со скрежетом столкнулись, и наши абордажники, возглавляемые подштурманом, ринулись на палубу «Борнмута». Тут подоспели матросы «Победы» во главе с Тейлором, который принялся крошить противника в своей излюбленной манере, как разъяренный дьявол, не щадя никого.

На «Борнмуте» отбивались, как могли. Звенела сталь абордажных сабель, мушкетные и пистолетные пули вонзались не только в тела атакующих, а и в тех, кто оставался на «Короле Джеймсе». Так, свинцовый посланец вонзился Коллинзу в шею, другой продырявил голову доктору, колдовавшему над Сильвером и Пью.

Бой кипел еще какое-то время, затем резко пошел на спад. Абордажники сумели продавить неприятеля, он дрогнул, стал в замешательстве отступать. Многие моряки бросались за борт, чтобы в волнах схлопнуть пулю и уйти на дно. Иные падали на колени, моля о пощаде, но милосердие Ингленда в тот день распространилось на считанное количество уцелевших.

Добыча досталась нам знатная – сам корабль и его богатый груз: пряности, тонкие ткани, ценное дерево, запасы чая и обитый широкими медными полосами сундук, наполненный золотыми монетами! Однако обладание этим великолепием стоило жизни, по меньшей мере, двум десяткам людей. Особенно омрачало то, что погибли штурман и врач. И если обязанности первого мог хоть как-то исполнять Билли Бонс, то место Фрейзера осталось зияюще пустым. Не получилось воспользоваться и услугами костоправа, служившего на «Борнмуте»: его, к всеобщему сожалению, обнаружили среди мертвых.

А раненных было пруд пруди! Сильвер и Пью успели получить первую помощь, но из-за тяжести увечий и в условиях тропической жары их жизни висели на волоске. Я переживал за обоих, за Дэвида особенно: было ясно, что он лишился зрения и лишился навсегда. Не помешал бы также пригляд доктора и Билли Бонсу – сабельный порез у него на щеке смотрелся жуть как неприглядно!

В виду сложившихся обстоятельств на месте морского сражения мы оставались недолго. Отдав «Борнмут» под присмотр Тейлора, Ингленд переместил всех раненных на наш корабль и дал команду идти на всех парусах к острову Аннабон. Битва там уже стихла, край неба озарялся отблесками пожара. Выжившие с «Борнмута» все, как один, уверяли, что это горит «Опыт», судно, с которым они вместе вышли в плавание из Калькутты.

Капитаном фрегата, пустившим «Опыт» на дно, был Бартоломео Робертс. У него в команде имелся корабельный врач, звали которого Питер Скадемор. Он-то и спас жизни Сильверу, Пью и другим нашим страдальцам. Это был ученый человек, очень толковый, так и сыпал латынью, пока их пользовал. Своими страшными, но такими нужными инструментами, он мастерски ампутировал ногу Долговязому Джону, сделал все, чтобы уменьшить мучения Пью, зашил располосованную щеку Билли Бонсу.

Если говорить о Робертсе, то под черным флагом он плавал недолго, какой-то считанный месяц. Невольничья посудина «Принцесса», на коей он служил третьим помощником, была остановлена у берегов Гвинеи... Хоуэллом Дэвисом, нашим старым знакомым по «Кадогану»! Обозлившись на правосудие, тот превратился в отчаянного разбойника, прибравшего к рукам за короткое время около пятнадцати кораблей. До нас доходили обрывочные слухи о подвигах бывшего штурмана, но увидеть его снова мы так и не смогли – в июне месяце на одном из островов Гвинейского залива он попал в смертельную переделку.

– Мы с ним оба из уэльского Пембрукшира, – говорил Робертс в ходе попойки, устроенной на берегу бухты, в водах которой покачивались на якорях четыре судна – «Король Джеймс», «Победа», «Борнмут» и «Королевский скиталец». – Хоуэлл предложил мне перейти на его корабль помощником, и долго я не раздумывал. Угрызения совести, спросите вы, прочие вещи?... Давая согласие, я держал в уме то, как подлю поступили с моим земляком на Барбадосе!

Робертс поправил темные волосы и на минуту умолк. Чуть полноватый, с приятными чертами смуглого лица, в широкополой шляпе, украшенной пышным красным пером, изысканном камзоле, полушелковых штанах и высоких блестящих ботфортах он, по-видимому, перенесся в мыслях к судьбоносному моменту, разделившему его жизнь на «до» и «после».

От его офицеров мы узнали, что он не пил, не курил, был религиозен. Команду свою держал в ежовых рукавицах, заставлял укладываться спать не позднее восьми часов вечера. И горе тому, кто нарушал это предписание, его могли запросто протащить под килем или повесить на рее! Как по мне, то нет ничего хуже, чем протаскивание под килем. Если концы каната, к которому привязывали виновного, тянули слишком медленно, он мог запросто захлебнуться, если быстро, прилипшие к днищу корабля ракушки так драли с него кожу, что просто ужас! Редко, кто выживал после такого наказания.

Я достал тетрадь с карандашом и быстро набросал портрет Робертса, этого пиратского вожака с изысканными, как у Ингланда, манерами. И не мог представить, что рисую одного из самых успешных пиратов в истории – за свою недолгую деятельность Черный Барт захватит более четырех сотен кораблей!

Заодно отобразил в тетради и Тейлора в его зауженном сером камзоле, испачканном свежей и застарелой кровью. Так вышло, что и он прославился сверх всякой меры, судьбе угодно было, чтобы и ему сопутствовала невероятная удача!

Чуть дальше по бровке песчаного берега предавались веселью матросы с трех кораблей. Они обнимались, распевали песни и без конца налегали на слегка разбавленный ром. Некоторые уже валялись тут и там вдрызг пьяные.

– Так мы и сдружились с ним, – снова взялся за рассказ Робертс, – и поначалу все складывалось, как нельзя лучше. Хоуэлл, надо отдать ему должное, был большим затейником. Любил пустить пыль в глаза противнику, обхитрить его, оставить с носом. Вот один из случаев: нарядившись как-то в богатый костюм, он нанес визит в английский форт на берегу Гамбии, прикрывавший работоторговлю...

– Кем же он представился? – спросил Инглэнд.

– Купцом из Ливерпуля, державшим путь к Сенегалу для закупки смолы и слоновой кости. Губернатор поинтересовался, чем же он торгует. Железом и посудой, нашелся Дэвис. Потекла беседа, в ходе которой он неожиданно выхватил пистолет, приставил ствол к груди губернатора и заставил того сдать форт. Добыча – две тысячи фунтов золотом, множество цен-

ностей, мощные крепостные пушки! Удалось ему провести также губернатора одного из островов Зеленого Мыса – там он высадился, чтобы пополнить запас питьевой воды. А самым значительным призом Дэвиса, – Робертс кивком головы указал на свое судно, мерно покачивавшееся в бухте, – стал тридцатипушечный голландский военный корабль...

– Умельцем был этот Дэвис! – хмыкнул Тейлор, лакомясь свежеприготовленным черепашим мясом. – Я, кстати, плавал с ним одно время. Он не говорил вам об этом?

– Кое-что рассказывал, – кивнул головой Робертс. – Вы с ним не ладили, так бывает. Одним человек нравится, другие его терпеть не могут.

– Не поделитесь подробностями гибели Дэвиса? – попросил Ингленд. – Где же не сработала его хваленая хитрость?

– Недалеко отсюда, на португальском острове Принсипи. Он задумал похитить губернатора, выдав себя за корсара, охотника за пиратами. План состоял в том, чтобы завлечь чиновника на корабль, схватить и потребовать у его подчиненных сорок тысяч фунтов выкупа. Все шло как надо, но один из чернокожих сбежал с корабля и выложил перед губернатором весь план. В бухте на следующее утро была организована засада, и когда отряд с Дэвисом во главе высадился на берег и пересек открытое пространство перед фортом, по нему открыли внезапную стрельбу. Капитан получил пулю в живот, мы поняли, что попали в беду и вынесли его с поля боя. Португальцы бросились вслед за нами, завязав у самой воды жаркую перестрелку. Дэвис, уже лежа в лодке, смог подняться на локте и пустить в сторону врага пулю. Это был последний выстрел капитана, на палубу «Королевского скитальца» его подняли мертвым.

– Погиб из-за какого-то черномазого, – буркнул Тейлор. – Невероятно! Вот что бывает, когда о планах знают последние ублюдки!

– Что-то вроде гримасы судьбы... На последующей сходке наши люди капитаном избрали меня. Обстреляв португальский форт из пушек, мы ушли к Аннабону, где и встретились с вами.

Ингленд кивнул и бросил взгляд на корабли.

– Вот о чем хочется вас спросить, дорогой Бартоломью. Почему вы схватились с «Опытом», а не погнались за «Борнмутом»? Ведь ост-индец, что там спорить, был более ценной добычей.

– Он улизнул под покровом порохового дыма, – пояснил Робертс. – У него была повреждена фок-мачта, я решил, что далеко от нас он все равно не уйдет. Обчистив трюмы «Опыта» и переместив команду на палубу «Королевского скитальца», мы подожгли судно и собрались было отправиться вслед за беглецом, но тут на востоке послышалась пушечная пальба. Я сразу понял, что мы опоздали – приз достался другим, то есть вам, Эдвард. Я недавно в этом деле, набираюсь, как говорится, опыта.

– Так-то оно так, ост-индец достался нам, но для этого пришлось здорово потрудиться. – Ингленд пригубил из бокала и остановил взгляд на нашем корабле. – Столько жертв, тяжело ранены квартирмейстер и боцман, страшный шрам на щеке подштурмана... А Скадемор, признаться, толковый доктор. Работает, не покладая рук, честь ему и хвала за это!

– Знаток своего дела, ничего не скажешь. Откуда у меня этот ученый хирург?.. На днях я захватил судно «Мерси», шедшее из Бристоля, так он оказался на его борту.

Робертс умолк и, поглядывая на унизанные перстнями пальцы, задумался. Ингленд спросил у него минутой позже:

– Куда подумываете держать курс?

– К острову Святого Томаса, – ответил Робертс. – Там будет видно, что делать дальше... А вы?

– К Золотому берегу.

Глава 5

Заплатив Скадеморю за примерный труд, Ингленд распрощался с Робертсом и повел свою крошечную эскадру по избранному пути. Продвигаясь к побережью материка, в устье реки Комо мы заметили невзрачную двухмачтовую посудину с командой, порешившей не оказывать нам сопротивления. Груз на ней был не ахти каким важным, но нас порадовало то, что на ее борту обретался настоящий судовой доктор. После короткого разговора с Инглендом выпускник Королевского колледжа врачей Фрэнк Осгуд согласился занять место погибшего Фрейзера. Вместе с ним желание плавать с нами изъявили матросы двухмачтовика, Ник Аллардайс, Бен Ганн и Джоб Эндерсон. Все трое имели шотландские корни, но жили до ухода в море в английском Сомерсетшире.

Потрепанный «Борнмут» и убогий пинасс были проданы в одном из портов Гвинейского залива. На побережье Бенина, у развалин форта Уида, мы наткнулись на другого пиратского капитана, француза Левассера, по прозвищу Ла Буз, то есть Канюк. Расположившись возле стоянки его команды, мы оставались там до декабря месяца, занимаясь кренгованием, ремонтом обшивки и поправкой такелажа.

Джон Сильвер быстро пришел в себя после случившегося с ним несчастья. Через какой-то месяц он уже повсюду сновал на костыле, балагурил, сыпал, как прежде, шутками. К нему тут же прилипло еще одно прозвище – Окорок, на которое он несколько не обижался.

– Все верно, – улыбался он. – У всякого окорока только одна нога.

Теперь на плече у него часто восседал зеленый попугай, он заполучил его вместе с клеткой после игры в кости с пиратом из команды Левассера. Пернатый уроженец Антильских островов по кличке Амиго знал кучу испанских ругательств, неизменно поднимавших матросам настроение.

– Каррамба! – ни с того ни с сего вскрикивала птица. – Кон миль дьяблос!

Когда слышала громкую речь, то возмущалась:

– Бас а кайартэ, эступидо!

– Что там прохрипел этот зеленый сквернослов? – спрашивал какой-нибудь несведущий моряк.

– Заткнись, придурок! – отвечали ему, и палубу «Короля Джеймса» сотрясал взрыв смеха.

Никто из нас не удивился, что должность квартирмейстера осталась за Сильвером. Он, как и прежде, следил за порядком на судне, улаживал споры, назначал наказания провинившимся, по справедливости делил дочучу. В бою он уже не бросался с саблей наголо на палубу приза, а вдохновлял бойцов абордажной команды с четвердека. И это у него получалось совсем неплохо.

Но вот с Пью все было не так. Его место занял Джоб Эндерсон, крупный детина с руками, похожими на дышла. Дейв и раньше не отличался общительностью, теперь и вовсе сник, замкнулся в себе.

– Будто волк, утеравший интерес к жизни, – заметил как-то Ингленд. – И что мне с ним делать, ума не приложу!

Он всерьез подумывал заплатить слепцу все причитавшиеся деньги и отправить на родину, справедливо полагая, что таким, как он, на палубе пиратского корабля не место. Выход нашел все тот же Сильвер, с его подачи Пью занялся посильным и полезным делом.

– Дэйв прикипел к морю, сэр, – говорил Долговязый Джон капитану. – Не готов он сейчас вернуться в Англию. Пусть плетет веревочные сети, они и нам сгодятся, и на продажу пойдут. Раньше он был в учениках у портного, так пусть вдобавок штопает команде штаны и пришивает пуговицы.

– А что, квартирмейстер, дельная мысль. Пью остается на корабле!

В самом конце года мы оставили Гвинейский залив и отправились к Мадагаскару. За нами увязались «Победа» Тейлора, «Восходящее солнце» Левассера и «Уиндхем Гэлли»

Томаса Коклина. Любопытно, что последний с прибытием на Багамы Вудса Роджерса принял королевское помилование, но вскоре снова обратился к пиратскому промыслу. Человеком он был жестоким, любил пытать пленников и рабов, собственноручно порол своих же матросов. Забегая вперед, скажу, что скорую кончину его на Мадагаскаре особо никто не оплакивал.

В нашей команде нашлись люди, не понаслышке знавшие об этом громадном острове. Особенно были интересны байки Боба Тарлтона, утверждавшего, что в 1690-е ему довелось послужить на «Причуде» знаменитого Генри Эвери.

– Тут ведь вот какое дело, – объяснял любопытствующим сухощавый старик с золотой серьгой в ухе. – Мадагаскар, этот пиратский рай, лежит вблизи двух важных торговых путей: один, из Европы, огибает мыс Доброй Надежды, проходит по Мозамбикскому проливу, разделяется, уходя в сторону Красного моря и Индии; другой, из Красного моря и Персидского залива, пролегает по Аравийскому морю и тоже оканчивается в Индии. На острове круглый год солнце, съестных припасов не мерено, свежей воды хоть залейся. Попробуй, найди место лучше для пиратского дела! В те дни на нем и на островках к северу и западу от него осело много разбойного люду для перехвата купеческих караванов. Ни английские власти, ни французские, ни португальские поделаться с этим ничего не могли...

– Лучше рассказал бы ты, Боб, об Эвери, – оборвал его кто-то. – О его несметных сокровищах.

– С кораблей «Фатх Мохмамади» и «Ганг-и-Савай», – закивал седой головой старик. – Последний считался самым большим во всей империи Великого Могола... На «Фатх Мохмамади» золота и драгоценностей обнаружилось на сумму в шестьдесят тысяч фунтов. «Ганг-и-Савай» мы грабили целую неделю, на нем добра было в десять раз больше. Поверите вы мне или нет, при дележке самому захудалому матросу досталось около тысячи фунтов!

– Ого, да на эти деньги можно припеваючи жить до конца дней! Куда ж ты подевал свою долю, Боб?!

– Легко пришли, легко ушли. Будь я тогда поумней, не обрелся бы сейчас с вами, оболтусами, в море, а жил бы в родных местах в свое удовольствие... После дела с теми кораблями мы бросали якорь у острова Бурбон, в бухте Диего Суарес, на северной оконечности Мадагаскара, да, мало ли, где. Прежде чем уйти в Вест-Индию, полнили запасы продовольствия и воды в бухте Святого Августина...

– Вот в тех местах, поди, Эвери и припрятал золотишко из своей капитанской доли? А, Боб?.. Не зря молва ходит по свету...

– Капитан об этом никому не докладывал, простаком он никогда не был... И вот, на Багамах наша команда разделилась: кто-то отправился в американские колонии, некоторые купили шлюп и, рискуя головой, вернулись в Англию. Я с Эвери и остальными семьдесятю моряками на «Морском цветке» добрался до Ирландии, там многие и затаились. Нашего капитана, кто не знает, за грабеж судов Великого Могола король объявил Архипиратом, врагом рода человеческого, а всех нас – его приспешниками!

– Ну, а что же Эвери? Куда он сгинул со своими сокровищами?

– Не пытайте меня, не знаю. Одни говорили, что он снова вышел в море и погиб неизвестно где, другие уверяли: промотал все деньги и нищим умер в графстве Девон...

Юго-западного конца Мадагаскара наш караван достиг в начале 1720-го. Высадка была произведена в бухте Святого Августина. Тут, по соседству с огромным коралловым рифом, на покрытых белым песком берегах экипажи занялись починкой снастей и прочим ремонтом. Несколько матросов, пробравшись сквозь колючий кустарник, прошлись по ближней саванне в надежде набрести на пиратские захоронения серебра и золота. Как и ожидалось, они не нашли ничего, кроме двух-трех старинных португальских монет. Мало того, в ходе безуспешных поисков одного из них ужалил скорпион, другого едва не уволок в реку голодный крокодил – доктор Осгуд потом долго лечил его покалеченную ногу.

От берега Мадагаскара «Король Джеймс» и «Победа» пошли к Мозамбику. Там, представившись моряками Ост-Индской компании, мы пополнили запасы еды и, прежде чем двинуться дальше на север, сделали короткую остановку на островке Анжуан, отличавшимся черным прибрежным песком, гористой местностью и густым тропическим лесом, над которым маячила верхушка спящего вулкана. По словам старика Тарлтона, на этом острове в начале 1690-х годов жили трое известных пиратов – Тью, Миссон и Караччиоли, сподвижники того самого Эвери.

Не успели мы бросить якорь в защищенной от штормов бухточке и расположиться на берегу, как в нее вошла потрепанная шлюпка с четырьмя моряками на борту.

– Что за бедолаги? – интересовались наши матросы, глядя в приближавшихся странников. – Изорванная одежда, исхудавшие лица...

– Смотреть жалко!

– Да, потрепало их изрядно.

Пока мы думали и гадали, кто это мог быть, шлюпка пристала к берегу. Незнакомцев к самому краю воды вышли встречать Ингленд и Тейлор.

– Я не ошибаюсь, – прозвучал хриплый баритон светловолосого моряка, первым ступившего на черный песок, – передо мной соотечественники и такие же, как мы, джентльмены удачи?

– Ошибки нет, – буркнул Тейлор.

– Все верно, – подтвердил Ингленд. – С кем имеем честь?

– Капитан Нил Флитвуд.

– Капитан Эдвард Ингленд, рядом со мной – капитан Ричард Тейлор... Что за напасть приключилась с вами?

Флитвуд, бросив взгляд на своих товарищей, со вздохом покрутил головой.

– У одного из Сейшельских островков разыгрался сильный шторм, мы напоролись на рифы. Наш «Муссон» пошел ко дну, погибли все, кроме нас четверых. Мы сели в уцелевшую шлюпку и пошли на веслах к юго-востоку. С нами могло случиться все, что угодно, но утлое суденышко, слава Создателю, устояло, и теперь мы в безопасности!

– Только я не слышал ни о каком капитане Флитвуде, – снова пробурчал Тейлор.

– Ничего удивительного, на пиратскую дорожку мы ступили месяца три назад, как говорится, прославиться не успели. «Муссон» раньше назывался «Стрижом», команда вышла в море по торговым делам из Плимута. Но нам достался отвратительный капитан, его произвол довел меня, служившего помощником, до белого каления. Я подбил команду на мятеж, он удался, и мы подняли черный флаг.

– Что же стало с капитаном?

– Высадил его с частью экипажа на необитаемом острове... Что ж, господа, у нас единственный вопрос: примете ли вы нас в свое братство?

Ингленд, понтересовавшись мнением двух команд, дал положительный ответ. После того как спасшиеся моряки возложили руки на его обнаженную шпагу и произнесли клятву верности, я сбегал в свою каморку, пристроенную к капитанской каюте. Вернувшись с пером, чернильницей и пухлой тетрадью, под диктовку Ингленда пометил: «Нил Флитвуд, помощник капитана, Кен Честер, второй штурман, Харви Стаббс, боцманмат, Чарли Мастерсон, матрос».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.